

С. Д. Бодрунов¹

РЕСУРСНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РОССИИ КАК ОСНОВА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА²

Для характеристики нынешнего состояния нашей экономики приведу несколько наиболее характерных цифр (табл. 1); здесь намеренно взяты данные по состоянию на 2013 г., до того как возникли внешние факторы, сильно осложнившие экономическую ситуацию в стране.

Таблица 1

Динамика восстановления промышленного производства (1991 г. = 100 %)

Годы	1998	2008	2009	2012	2015 (прогноз)*
ВВП	60,5	117,8	108,6	122,1	138,2
Промышленность в целом	48,2	85,4	77,5	90,0	101,3
Добыча полезных ископаемых	167,2	105,6	104,9	112,0	113,6
Обрабатывающие производства	40,7	82,9	70,3	87,1	101,4

* Прогноз Минэкономразвития России по состоянию на 01.01.2013 г.

Как видим, даже при сверхоптимистичных прогнозах, выданных нашим главным оптимистом — Министерством экономического развития, валовой внутренний продукт (ВВП) к 2015 г. должен был вырасти на 38% по отношению: внимание — к 1991 г., а промышленность — достичь уровня 25-летней давности! Это хуже показателей за аналогичный период после Великой Отечественной войны! Не говоря уж о том, что они не реализованы и не будут реализованы, очевидно, с учетом экономической ситуации. Согласно данным Росстата, тенденция — устойчиво негативная, падение продолжается который год подряд (табл. 2).

Таблица 2

Экономическая ситуация (март 2013 г.)

Темпы роста ВВП	I полугод. 2012 г. — 4,5%; III кв. 2012 г. — 2,4%, IV кв. 2013 г. — 1,8% Падение в 2,5 раза
Динамика ВВП	2010 г. — 8,2%, 2012 г. — 2,6% Падение в 3,1 раза
	Янв. 2012 г. — 5,1%, янв. 2013 г. — 1,6% Падение в 3,2 раза
Инвестиции в основной капитал	2008 г. — 21,2%, 2012 г. — 19,8% Снижение на 6,6%
Темпы роста импорта	2010 г. — 30,1%, 2012 г. — 3,6% Снижение в 8,4 раза
Инфляция, январь–февраль	2012 г. — 0,9%, 2013 г. — 1,5% Рост в 1,7 раза

¹ Сергей Дмитриевич Бодрунов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук, профессор.

² По материалам доклада на Международной научной конференции, посвященной 210-летию кафедры экономической теории МГУ им. М. В. Ломоносова (19.11.2014).

Сегодня ситуация усугубляется из-за введения санкций. Росстат фиксирует практически полную остановку роста промышленности, а по отдельным регионам — катастрофическое рецессивное движение, например, в Санкт-Петербурге, одном из крупнейших экономических и индустриальных центров страны, падение промышленного производства в 2014 г. приближается к 10%, что сравнимо с кризисным декабрем 2008 г. (рис. 1).

То есть сегодня наша экономика находится не просто в «стадии затухающего роста» (как говорили два-три года назад), а в ситуации полной его остановки, т. е. стагнации. А в это время Минэкономики и Минфин спорят — находимся ли мы еще в стадии стагнации или уже вступили в экономическую рецессию? Все это напоминает споры схоластов Средневековья о том, сколько чертей может поместиться на кончике иглы.

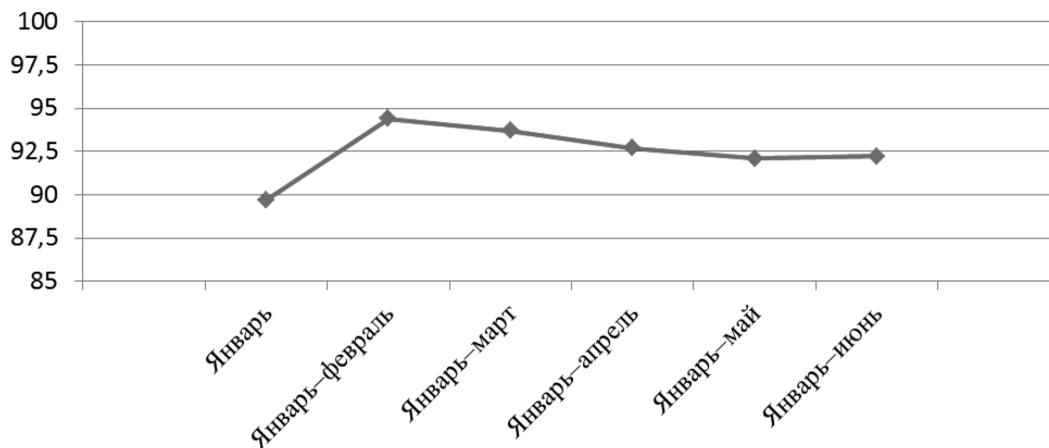

Рис. 1. Индекс промышленного производства Санкт-Петербурга (январь–июнь 2014 г.), % к соответствующему периоду 2013 г. (сайт Правительства Санкт-Петербурга, сайт АППИ)

Почему, несмотря на наличие у нас серьезнейшей ресурсной базы, мы не видим значительных позитивных сдвигов? Конечно, можно перечислить множество факторов, влияющих на ситуацию. Однако можно утверждать, что *нынешнее состояние нашей экономики в значительной степени является следствием ее глубокой деиндустриализации*, которая всегда ведет к экономическому застою.

Деиндустриализация — «Эффект 4д»:

• **де**Организация процесса *производства* (снижение уровня организации производства и управления производством);

• **де**Градация применяемых *технологий* (падение технологического уровня производства);

• **де**Квалификация труда в производстве;

• **де**Комплицирование (упрощение) *продукта* производства.

Следствиями такой *деиндустриализации* являются:

• **де**Стабилизация финансово-экономического состояния производственных компаний;

• **де**Интеграция промышленных структур и связей;

• **де**...

• **де**...

• **де**...

Экономический результат — общий упадок и утрата базовых направлений производственной деятельности, секторов производства и индустрии; социально-политические последствия — негативные.

Двадцатилетняя реализация *либерально-монетарной* модели привела к ухудшению условий производства и сжатию промышленного сектора (табл. 3), снижению устойчивости экономики и росту нашей зависимости от иностранных капиталов, технологий, продукции, потребительских товаров. В частности, производство продукции в основных базовых отраслях сократилось в разы (табл. 4), т. е. рост импорта идет за счет снижения выпуска собственной продукции. Так, в 1990 г. было произведено 129,8 тыс. станков, а в 2012 г. — 3,2 тысячи (2,5 % от уровня 1990 г.). Если в 2000 г. мы закупили машин, оборудования и транспортных средств на 10 млрд долларов, то (в прошлом году спустя 14 лет) — на 150 млрд долларов, рост — в 15 раз!

Таблица 3

Сокращение промышленно-производственного персонала (ППП) в промышленности и машиностроении*

Вид деятельности	1990	1995	2004	Снижение численности ППП, раз
Вся промышленность, млн чел.	21,0	16,0	11,9	1,8
Машиностроение, млн чел.	8,0	4,9	3,2	2,5
В том числе по видам, тыс. чел.:				
дизелестроение	68	40	21	3,2
горношахтное и горнорудное машиностроение	75	49	31	2,4
подъемно-транспортное »	86	70	40	2,2
железнодорожное »	153	114	85	1,8
электротехническая промышленность	545	346	252	2,2
химическое и нефтяное машиностроение	280	191	241	1,2
станкостроительная и инструментальная промышленность	279	169	88	3,2
приборостроение	748	388	170	4,4
автомобильная промышленность	814	706	566	1,4
подшипниковая »	113	75	47	2,4
тракторное и сельскохозяйственное машиностроение	512	280	86	6,0
то же строительно-дорожное и коммунальное	163	105	87	1,9
машиностроение для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов	198	139	73	2,7

*Источник: ИЭ РАН, Росстат.

Доля импорта в станкостроении, легкой промышленности сегодня превышает 90%, в тяжелом машиностроении, радиоэлектронике, медицинском оборудовании — 80% и т. д. (рис. 2). Аналогичная ситуация и в других секторах экономики. При этом потребности наши отнюдь не сократились. Так, в 2000 г. ввезли продовольствие на сумму 7 млрд долларов, а в 2013 г. — уже на 43 млрд долларов. За 14 лет его импорт увеличился в 6 раз! Но мы же не стали в 6 раз больше есть, скорее — меньше! А тут еще — санкции! Речь идет уже не только о недостатке

Выпуск станкостроительной продукции в РФ*

Продукция	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Металлорежущие, станки, шт.	74171 (100%)	18033	8885	8283	6494	5697	5414	4867	5149	5104	4847	1882 (2,5%)
Деревообрабатывающие станки, шт.	25439	11192	10232	9732	8575	8115	6797	4489	4412	5102	4130	1800 (7,0%)
Кузнечно-прессовые машины, шт.	27302	2184	1246	1347	1198	1615	1736	1533	2106	2700	2747	1266 (4,6%)

*http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#, ИНИР.

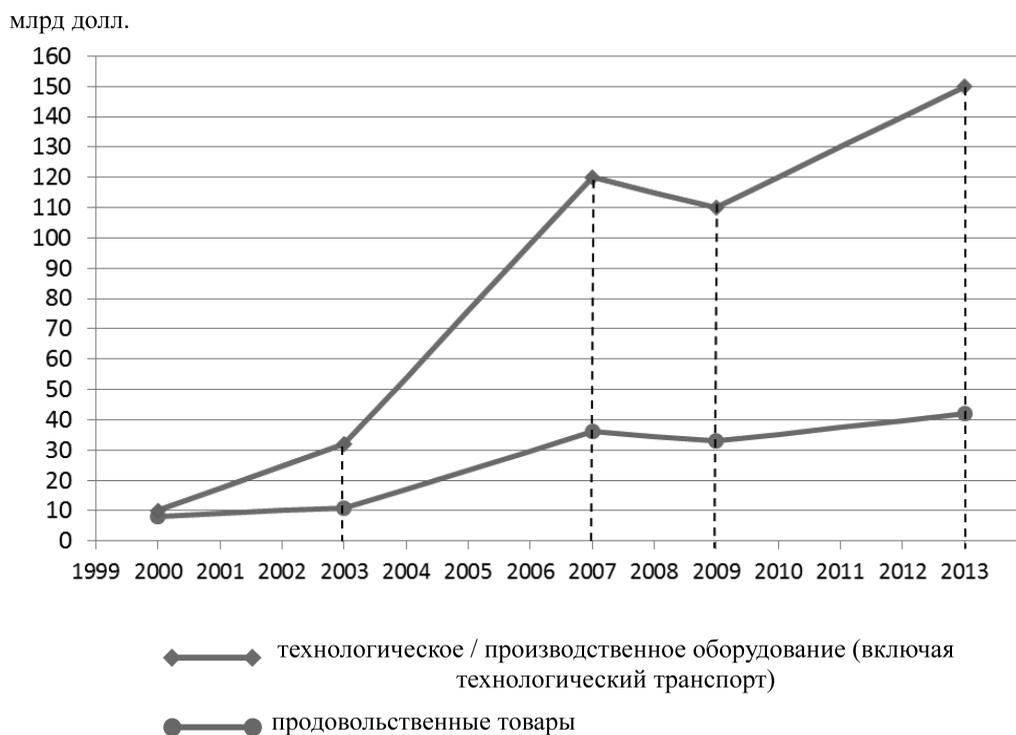

Рис. 2. Динамика ввоза продукции в РФ (источник: ФТС России)

каких-то удобных и привычных вещей, но о *продовольственной, оборонной, информационной, энергетической* и т. д. *безопасности России*.

Безусловно, огромные ресурсы России — ее преимущество, хотя в последнее время принято считать, что наличие больших природных богатств оборачивается для страны «ресурсным проклятием». Однако это утверждение справедливо, только если доходы от продажи ресурсов используются преимущественно на потребление, когда проводится *курс на проедание и резервирование*, без существенных финансовых вложений в индустриальную компоненту экономики. Я бы назвал это *политикой направленной деиндустриализации* экономики России, которая является следствием слепой веры на протяжении многих лет в непогрешимость идеологии «рыночного фундаментализма» и отсутствия в стране целенаправленной промышленной политики, что

сегодня вынуждены признать даже одни из авторов или, во всяком случае, проводников такой политики в жизнь.³

Пора радикально менять курс! *Базовой парадигмой* развивающейся, а не стагнирующей российской экономики должна стать *реиндустриализация*⁴, а *главной целью реиндустриализации* — восстановление роли и места промышленности в качестве базовой компоненты экономики страны и приоритетное развитие материального производства, шире — реального сектора экономики, *на основе нового, передового технологического уклада*, путем решения комплекса экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации России. Именно эту концептуальную платформу Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте выдвинул в марте прошлого года на Совете Федерации и в марте нынешнего года на Московском экономическом форуме в качестве *доминанты* экономической доктрины России будущего периода. Сходную позицию обозначили в этом году наши коллеги из Академии наук, МГУ и других учебно-научных центров, многие специалисты сферы материального производства. И, наконец, в «Ведомостях» появилась статья министра промышленности Д. В. Мантурова, где провозглашено: «*С учетом нынешней структуры российской экономики, ее потенциала и мировой конъюнктуры в ближайшие 5...10 лет наиболее адекватной стратегией развития является интегрированная индустриализация*».⁵

Для реализации такого курса, как минимум, необходима концентрация средств и усилий на возрождении ключевых направлений высокотехнологичного материального производства, что позволит перейти к *глубокой переработке ресурсов*. Естественно, встает вопрос: *как это сделать?* Ответить на него помогают экономическая *теория* и критический анализ отечественного и международного опыта. Опираясь на разработки ИНИР и упомянутых выше специалистов, можно констатировать: *идеология «рыночного фундаментализма»* малопригодна для обеспечения прогресса высоких технологий, *как и государственные проекты*, реализуемые не столько в целях подъема экономики, сколько для *извлечения административной ренты*.

Провал этих двух моделей заставляет нас искать иной путь. Для этого необходимо учитывать, что *экономическая система России неоднородна*. В предшествующих работах я выделил *три основные подсистемы* российской экономики.

Обозначив *первую подсистему* как *традиционно-консервативную*, я включил в нее, *во-первых*, традиционно важные, но зачастую играющие консервативную роль такие «старые» отрасли, как аграрное производство и др.; *во-вторых*, технологические цепи прежних укладов, основанных на ручном и слабо индустриализованном труде; *в-третьих*, машинное производство продуктов невысокой степени переработки, куда в первую очередь относится сырьевой сектор, добыча ресурсов. В этой сфере сложились рыночные отношения, во многом обремененные пережитками натурального хозяйства, патриархальной ментальности и государственно-бюрократического протекционизма.

Вторая подсистема — *условно либерально-рыночная*. Она охватывает преимущественно сборочное производство, торговлю, логистику и сервис. В ней складываются рыночные отношения и институты, близкие к неолиберальному «стандарту», хотя и существенно модифицированные российской спецификой.

Третья подсистема — *ростки будущей новой смешанной российской экономики*, предполагающей приоритетное развитие высокотехнологичного производства на базе социально ориентированного регулируемого хозяйственного развития.

³ См. напр., Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики, №12, 2014, с.13, 14, 17 и др.

⁴ Применяются также термины новая индустриализация, неоиндустриализация, инновационная индустриализация.

⁵ Мантуров, Д. В. Вернуть себе рынок//Ведомости. 17.11.2014. <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/36049861/vernut-sebe-rynok>

Такая стратификация позволяет сформулировать важные направления развития каждой подсистемы в рамках решения задачи реиндустриализации экономики.

Для *первой подсистемы* важнейшей задачей является модернизация предприятий: повышение «передельности», научно- и капиталоемкости продукции, в частности, более глубокая переработка природных ресурсов и сельхозпродукции.

В рамках *второй подсистемы* необходимо усиление локализации производства, сокращение посредничества и замена сборочных производств, являющихся в большинстве случаев филиалами ТНК, современным отечественным массовым промышленным производством с высокой степенью внутривнутристрановой производственной кооперации. Это станет важным звеном стратегии импортозамещения, о необходимости которой в последнее время говорят руководители страны.

Главный упор следует сделать на *третью подсистему* — развитие высокотехнологичного сектора отечественного материального производства (кстати, в этом мы «совпадаем» с Министерством промышленности).

Правительство, осознав, наконец, в какую... яму мы попали, признало *необходимость возврата к индустриальному пути развития*. Однако в нынешних условиях оно в основном сосредоточено на быстром замещении импортной продукции в тех направлениях, которые в ближайшее время могут стать критически важными для экономики «первого плана» — потребительского сектора, здравоохранения, обеспечения важных социальных задач. Далее в повестке дня — решение задач стратегических отраслей, в первую очередь обеспечение стратегическими ресурсами и оборонной безопасности. В бюджете на эти цели выделяется 35 млрд рублей; Минпромторг готовит программу импортозамещения; через создаваемый Фонд поддержки промышленности на эти цели направят до-

Рис. 3. Риски и импортозамещение

Рис. 4. Пространство задач политики реиндустриализации

полнительно 18 млрд рублей и т. д. Эти меры должны обеспечить ежегодный прирост производства российских товаров и оборудования на 30 млрд рублей начиная с 2015 г.

Безусловно, эти планы и цифры заслуживают всемерной поддержки (рис. 3). Однако не следует забывать о нашей традиционной опасности — раздаче денег по принципу «всем сестрам по серьгам», размытости приоритетов, отсутствии четких критериев в вопросах объемов, сроков, оценки результатов.

Кроме того, для проведения эффективной импортозамещающей политики *обнародованных мер недостаточно*. Если под *реиндустриализацией* понимать переход к новой модели экономического роста за счет *повышения эффективности использования имеющихся ресурсов для производства конкурентоспособной инновационной продукции преимущественно с использованием отечественных наукоемких технологий* путем перманентного развития и модернизации производственной и технологической базы национальной промышленности, то тогда политика реиндустриализации прямо ориентирована на обеспечение заявленной руководством страны стратегии импортозамещения. Предлагаемые меры должны предусматривать принципиальное восстановление и модернизацию структуры отечественной промышленности, должны быть направлены не столько на решение сиюминутных задач импортозамещения, сколько на воссоздание базовых производственных ниш, замещение которых иностранными производителями произошло в годы деиндустриализации.

Безусловно, в первую очередь требуется материальная поддержка названных сфер (рис. 4), но одними финансовыми вливаниями не обойтись. Государство должно сконцентрировать усилия на определении *приоритетов* (и, соответственно, *ключевых проектов*) и принять *организационные решения*, носящие пролонгированный характер для реализации поставленных задач. Требуется реальная защита частного предпринимателя, поскольку современные отрасли во всем мире создаются, как правило, частным бизнесом, и импортозамещение возможно только при опоре на частный (в том числе малый и средний) бизнес.

Подчеркну одну важную вещь: несмотря на возникшее противостояние, следует сохранить высокую степень открытости экономики (за исключением отраслей, обеспечивающих обороноспособность и безопасность граждан), помня, что искусственное ограничение импорта и экспорта технологий, приводит к снижению эффективности *промышленной* деятельности и конкурентоспособности продукции.

Все эти параметры могут быть легко конкретизированы в виде набора программных ориентиров экономической политики, что отчасти сделано сотрудниками ИНИРа, экспертами Московского экономического форума, группами исследователей под руководством академика С. Ю. Глазьева, учеными, публикующими материалы по проблемам неоиндустриализации в журнале «Экономист», и другими специалистами.

Таким образом, ответ на вопрос: как нам превратить ресурсные преимущества в высокотехнологичный экономический рост — понятен: пора отказаться от губительной деиндустриализационной политики и *перейти к реиндустриализации*.

При этом, как говорится, дьявол кроется в деталях, рассмотрение которых значительно усложняет ответ. Начав с импортозамещения — поэтапного, «послойного» — от простого к сложному, высокотехнологично- и экспортноориентированного, мы сможем осуществить не виртуальную, а подлинную реиндустриализацию страны. При этом в силу сложившихся обстоятельств становятся ясными не только глобальные цели и задачи реиндустриализации, но также приоритеты и механизмы ее реализации.

Россия сможет найти достойное решение как проблем долгосрочного характера, так и вызванных недружественным поведением ряда геополитических игроков. И, учитывая наши возможности (в том числе ресурсные), можно обоснованно полагать — все у нас получится!